

Степанов Иван Викторович

ЯДЕРНАЯ ВОЙНА И ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ: ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

В статье рассматривается проблема соотнесения ядерной войны с критериями обычного вооруженного конфликта. Анализируя концепции крупных "философов войны" XIX-XX веков Карла фон Клаузевица, Бэзила Лиддела Гарта и Мартина ван Кревельда, автор обосновывает положение о том, что ядерный конфликт с применением стратегических вооружений не может считаться войной, поскольку в нем отсутствует важнейший признак последней - система правил, позволяющих выявить победителя в рамках политического пространства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 172-174. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 124.5

Философские науки

В статье рассматривается проблема соотношения ядерной войны с критериями обычного вооруженного конфликта. Анализируя концепции крупных «философов войны» XIX-XX веков Карла фон Клаузевица, Бэзилы Лиддела Гарта и Мартина ван Кревельда, автор обосновывает положение о том, что ядерный конфликт с применением стратегических вооружений не может считаться войной, поскольку в нем отсутствует важнейший признак последней – система правил, позволяющих выявить победителя в рамках политического пространства.

Ключевые слова и фразы: ядерная война; вооруженный конфликт; философия войны; политическое пространство; государство.

Степанов Иван Викторович, к.и.н.

Самарский государственный технический университет

stivan1981@mail.ru

ЯДЕРНАЯ ВОЙНА И ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ: ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Появление атомной бомбы в середине XX столетия кардинально изменило характер вооруженных конфликтов, основной формой которых стали локальные войны, сводящие к минимуму возможность прямого столкновения крупнейших держав. Вместе с тем риск подобного столкновения с использованием стратегического ядерного оружия до сих пор не исключается. Возникает закономерный вопрос, решению которого посвящена представленная статья, а именно: «Может ли в рамках европейской военно-теоретической традиции применение стратегических ракет с целью физического уничтожения живой силы и инфраструктуры противника классифицироваться как вид вооруженного конфликта?».

Перед тем, как приступить к решению поставленного вопроса, следует сказать несколько слов о характере выбранных для анализа концепций. Их главное свойство необходимо определять термином «междисциплинарность», поскольку все они относятся к разделу «философии войны», методология которого, с одной стороны, тесно связана с социальной философией, а с другой – с военно-теоретическими практиками исследования. Это значит, что авторы представленных концепций не ограничивались проблемами, сосредоточенными в области стратегии и тактики ведения военных действий. Не менее важной целью для них являлось определение сущности войны как социального феномена.

Наиболее известной среди этих концепций по сей день остается концепция Карла фон Клаузевица, сформированная в первой половине XIX века задолго до появления ядерных вооружений. Клаузевиц отталкивается от двух разработанных им самим определений термина «война»:

- 1) «Война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [1, с. 26];
- 2) «Война есть не только политический акт, но и подлинное оружие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами...» [Там же, с. 52]. «Война, конечно, имеет собственную грамматику, но не собственную логику» [Там же, с. 151].

Соотнесение определений войны друг с другом осуществляется Клаузевицем через противопоставление «войны абсолютной» (1) и «войны действительной» (2). В первом случае речь идет об «абстрактной физической войне» в форме соревнования двух гипотетических противников, использующих любые возможности для достижения победы насильственным способом. Немецкий мыслитель декларирует три условия, при которых подобная война могла бы стать реальностью:

- «1) если бы война была абсолютно изолированным актом, возникающим совершенно внезапно и не связанным с предшествующей государственной жизнью;
- 2) если бы она состояла из одного решающего момента или из ряда одновременных решающих актов;
- 3) если бы она сама в себе заключала окончательное решение и на нее не оказывал бы влияния заблаговременный учет того политического положения, которое сложится после ее окончания» [Там же, с. 33-34].

В полной мере эти условия невыполнимы, поскольку:

1. Реальное военное столкновение не есть акт, изолированный от политических интересов.
2. На войне, знание обстановки никогда не бывает исчерпывающим («туман войны»).
3. Любая армия представляет собой механизм, на который воздействует «трение», связанное с влиянием человеческого фактора.
4. Оборона есть более сильная форма ведения военных действий, нежели наступление, поскольку при наступлении влияние «трения» и «тумана войны» возрастает с большей степенью интенсивности.

Потому «война всегда бывает войной в большей или меньшей степени». Отсюда проистекает основная опасность, усматриваемая Клаузевицем в безграничной эскалации вооруженного конфликта: «Война вытеснила бы политику и, следуя своим законам, подобно взорвавшейся мине, не подчинилась бы никакому управлению, никакому руководству и находилась бы в зависимости лишь от приданной ей при подготовке организации. <...> Однако дело обстоит иначе, и такое представление в самой своей основе совершенно ложно» [Там же, с. 54].

Очевидно, что с позиций данной концепции применение стратегических ядерных вооружений «физической войной» считаться не может, поскольку такое действие не только придает вооруженному конфликту собственную

логику, но и уничтожает любое политическое пространство. Сущность же политики Клаузевиц понимает как утверждение примата государственных интересов по отношению к тактическим и стратегическим целям.

Военные теоретики XX века пытались пересмыслить идеи Клаузевица. Однако, несмотря на существенные отличия их взглядов и опыта от взглядов и опыта немецкого классика, ядерный конфликт не вписывался концептуально в понимание природы вооруженного конфликта. Так, на заре ядерной эпохи выдающийся британский мыслитель Бэзил Лидделл Гарт высказал следующую мысль: «Водородная бомба скорее является препятствием, чем помощью при проведении политики “сдерживания”. Она уменьшает вероятность всеобщей войны, но в то же время увеличивает возможность возникновения “ограниченной войны” в процессе не прямой и широко распространенной местной агрессии. Агрессор может использовать различные методы, но с таким расчетом, чтобы добиться своей цели и в то же время вызвать колебания у противника в отношении водородных или атомных бомб в качестве ответной меры» [3, с. 10-11]. Для Лиддела Гарта война представлялась такой формой столкновения, которое имело четыре ярко выраженных измерения, организованных в иерархическую систему:

- 1) военная политика (определение целей войны);
- 2) «большая стратегия» (координация ресурсов для достижения военных целей);
- 3) военная стратегия (управление вооруженными силами на стратегическом и оперативном уровнях);
- 4) тактика (управление вооруженными силами в рамках боя).

С точки зрения британского мыслителя, угроза применения ядерного оружия должна оставаться инструментом военной политики и отчасти «большой стратегии», принципиально не реализуемым в рамках военной стратегии и тактики. Ведь ядерная война представлялась Лидделу Гарту не столько особой разновидностью вооруженного конфликта, сколько инструментом своей прямой противоположности – ограниченной войны. Поэтому ее следовало классифицировать лишь как гипотетическую возможность, существенно отличающуюся от физического уничтожения живой силы и инфраструктуры противника.

Еще более радикально против признания за стратегическим ядерным столкновением статуса вооруженного конфликта высказался ведущий «философ войны» конца XX века, израильтянин Мартин ван Кревельд.

Кревельд резко критиковал концепции Клаузевица и Лиддела Гарта за рационализацию причин войны: «Нет ничего более нелепого, чем полагать, что именно из-за того, что люди располагают властью, они действуют как автоматы или вычислительные машины, лишённые страстей. На самом деле они поступают не рациональнее других смертных; более того, поскольку данная им власть предполагает меньшую их стесненность в действиях, то иногда их поступки оказываются на поверку даже менее рациональными, чем наши» [2, с. 236-237]. Согласно Кревельду, иррационализм войны наиболее ярко проявляет себя в столкновении с угрозой физического уничтожения. С точки зрения индивидуального интереса эта ситуация должна осознаваться в качестве бессмысленной случайности: «И прошлое, и будущее исчезают; в момент разрыва снаряда такие понятия как “потому что” и “для того чтобы” попросту не существуют, тогда как тело и разум стремятся к полной концентрации, без которой человеку в этих обстоятельствах не выжить» [Там же, с. 237]. Однако для оформления такой ситуации в сознании индивида необходимо, чтобы носителем угрозы смерти являлся не абстрактный образ мира в виде природы, а другой индивид, обладающий физической телесностью. Причем механизм восприятия сражения «другим» должен отличаться теми же самыми параметрами: «В действительности война не начинается тогда, когда одни убивают других; она начинается тогда, когда те, кто убивают, рискуют сами быть убитыми. <...> Те, кто осуществляют первое, но не второе (а такие всегда найдутся), называются не воинами, а головорезами, убийцами, палачами или награждаются еще более нелестными эпитетами» [Там же, с. 238-239]. Важным подтверждением данного вывода Кревельд считает проявление тенденции к ограничению вооружений, наблюдаемой уже в античную эпоху.

Ядерный конфликт, по мнению израильского теоретика, исключает момент «подлинного переживания» в рамках относительно честного соревнования, а потому войной считаться не может. Ядерное оружие в полном смысле этого слова оружием войны не является, поскольку его фактическое использование возможно лишь в качестве орудия убийства и одновременно самоубийства: «Очевиднейшая истина состоит в том, что ядерное оружие является орудием массового убийства. Притом, что защиты от него нет, единственное, для чего оно годится, – это для бойни, беспрецедентной по своей кровожадности и, вполне вероятно, последней в истории человечества» [Там же, с. 31]. Здесь Кревельд выступил в качестве выразителя общественного мнения ведущих ядерных держав, которые уже с середины XX столетия пребывали в уверенности, что любой ядерный конфликт приведет к гибели или необратимой деградации человечества.

Но у ядерного оружия, по мнению израильского теоретика, присутствует еще одно важное свойство социологического характера: «От Центральной Европы до Кашмира и от Ближнего Востока до Кореи ядерное оружие делает невозможным для крупных суверенных территориальных образований, т.е. государств, воевать друг с другом в полную силу» [Там же, с. 289]. Именно оно подрывает военно-стратегические основания существования национальных государств как единственных гарантов мирового порядка и дает важный козырь транснациональным корпорациям, которым проще существовать в ситуации «ни мира, ни войны».

Итак, концепции Клаузевица, Лиддела Гарта и Кревельда исключают возможность рассмотрения ядерного конфликта с применением стратегических ядерных вооружений в качестве одной из разновидностей войны. Существенные различия между этими концепциями не отменяют их основного сходства, а именно стремления разграничить насильственное соревнование и насильственное массовое убийство, перерастающее в самоубийство. Война подчиняется системе правил и позволяет хотя бы приблизительно выявлять победителей и побежденных, сохраняя при этом поле для конкуренции в политическом пространстве. Даже у Кревельда

субъектами вооруженного конфликта выступают «игроки», а не сама война. И логика военной игры не определяется целью, согласно которой проигрывают все; она определяется другими целями, в рамках которых один выигрывает, а другой проигрывает или же оба выигрывают (последнее встречается очень редко). Ядерный конфликт с применением стратегических ядерных вооружений разрушает такую логику, поскольку в нем уничтожается само поле конкуренции вместе с любым политическим пространством. В этом смысле природа ядерного конфликта созвучна деятельности международных террористических организаций, для которых политическое проектирование всегда отступает на второй план перед лицом чисто военных интересов, а собственный выигрыш становится менее важным, чем выигрыш противника.

Список литературы

1. Клаузевиц К. О войне (1-4). М.: РИМИС, 2009. 400 с.
2. Кревельд М. ван. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.
3. Лиддел Г. Б. Стратегия непрямых действий. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. 464 с.
4. Лютвак Э. Н. Стратегия: логика войны и мира. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 392 с.
5. Самохин К. В. Многоликая война // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (3). С. 81-83.
6. Степанов И. В. Введение в философию войны. Самара: Инсома-Пресс, 2014. 206 с.
7. Степанов И. В. На пути к созданию философии войны. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2011. 190 с.
8. Тоффлер Э. Война и антивоенная: что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. 412+4 с.
9. Требин М. П. Войны XXI века. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. 608 с.
10. Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2006. 288 с.
11. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007. 366 с.
12. Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007. 301 с.

NUCLEAR WAR AND ARMED CONFLICT: PROBLEMS OF DIFFERENTIATION

Stepanov Ivan Viktorovich, Ph. D. in History
Samara State Technical University
stivan1981@mail.ru

The article deals with the problem of the correlation of nuclear war with the criteria of a common armed conflict. Analyzing the conceptions of the prominent “war philosophers” of the XIX-XX centuries Carl van Clausewitz, Basil Liddell Hart and Martin van Creveld, the author substantiates the statement that a nuclear conflict with the application of strategic weapons can't be considered as war, since it lacks the most important feature of the latter – the system of rules, which allow revealing a victor in the framework of political space.

Key words and phrases: nuclear war; armed conflict; war philosophy; political space; state.

УДК 94(47)“1733/35”

Исторические науки и археология

В статье анализируется образ «Войны за польское наследство» 1733-1735 годов, представленный в текстах современных российских учебников по истории. Основное внимание уделено характеристике выдвинутых авторами учебников причин участия России в данной войне и намерений российского руководства. Проведён сравнительный анализ между репрезентациями «Войны за польское наследство» в учебниках и оценками этого конфликта, существующими в современной российской академической науке. Сделан вывод о несоответствии представления «Войны за польское наследство» в учебниках достижениям российской историографии и необходимости их согласования.

Ключевые слова и фразы: «война за польское наследство»; учебники по истории России; Анна Иоанновна; Станислав Лещинский; Эрнст Бирон; Курляндское герцогство; Франция.

Столяров Алексей Михайлович, к.и.н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Yagello1386@mail.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «ВОЙНЫ ЗА ПОЛЬСКОЕ НАСЛЕДСТВО» 1733-1735 ГОДОВ
В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ**

Важной задачей при разработке содержательного компонента школьного и вузовского учебника по истории России является достижение фактологического и оценочного соответствия между этим содержанием и результатами, достигнутыми в современной историографии по освещаемым в учебниках проблемам.